н а я к а р т и н а: Тучи без конца...»; подобный же пейзаж вставляет в поэму Розенгейм — (48а) «...Небо, как тряпица Грязная висит...» и аллегорически осмысляет Добролюбов (40) «Низко наше небо: Над землей оно Тяжело нависло, Мутно и темно...». Мотивы «сна» и «смерти» присутствуют почти в каждом из этих стихотворений.

Второй путь — не уподобление, а контраст между «равнодушной природой» и убогим сельским бытом — избрал в своей поэзии Никитин. Таково уже его первое стихотворение (34), которое начинается: «Тихо н о ч ь ложится На в е р ш и н ы г о р, И луна глядится В зеркало озер...», а кончается: «Лишь во мраке ночи Горе и разврат Не смыкают очи, В тишине не спят». Это как бы набросок, развернутый в другом стихотворении того же 1849 г.: (35) «В глубине бездонной, Полны чудных сил, Идут миллионы Вековых светил...» — а город спит, в нищей каморке лежит покойник на столе, и дочь его «жертвою порока умереть должна». По этой же схеме построены два известнейших стихотворения (36) «Зимняя ночь в деревне» («Весело сияет Месяц над селом...» — а в избе не спит больная старушка и тревожится за детей: «Мудрено ль связаться С человеком злым?...») и (37) «Жена ямщика» («Жгуч мороз трескучий, На дворе темно...» — а в избе спит мальчик, тревожится мать, и ей приносят весть о смерти мужа). Влияние «Избы» Огарева в этих стихах не подлежит сомнению. Любопытно, однако, что последнее обращение Никитина к этому размеру — (38) лунная ночь, костер и песни косарей — свободно от трагической темы.

На том же контрасте построены и два стихотворения Плещеева, но у него сюжетный момент сперва стушевывается ((23) «Травка зеленеет, Солнышко блестит, Ласточка с весною В сени к нам летит...» — и дальше о разлуке и нужде «в городе чужом»), а потом и совсем растворяется в чистом лиризме ((21) «Теплый день весенний, Солнышко блестит, Птичка, заливаясь, В поле всех манит...» — и только поэту шепчет тоска: «...твой путь Пройден: не пора ли Навсегда у с н у т ь?»).

Но игра контрастом оказывается, по-видимому, слишком сложной для большинства поэтов. Когда за этот размер берется следующее литературное поколение, главные деятели которого — Суриков и суриковцы, строение их стихотворений быстро упрощается: или «природа» подчиняется «быту», или «быт» отступает перед «природой».

Когда ведущей оказывается тема «быта», то перед нами остается лишь сюжетная, зарисовочная часть никитинской схемы, а «природа» если и присутствует, то лишь как заунывный аккомпанемент. Так уже у Розенгейма: (46) «Комната в светелке. Как в ней холодно! Ветер дует в щели, Дождь стучит в окно... Мать лежит больная, За работой дочь...» и т. д.; (48) «В гробе непарадно, Бледный, он лежал...». То же делает с никитинскими образцами и Дрожжин: (69) «Холодно зимою Людям, тяжело. Вижу я родное Милое село... Бедная старушка На печи лежит...» (и ей приносят весть о смерти сына); и опять: (71) «Детство золотое, Грустно ты прошло! Предо мной родное Милое село... На печи больная Бабушка лежит...» (о родимом сыне думает она, и т. д.); (70) «...Предо мной деревня И знакомый дом... Бедная старушка Смотрит из окна... Молодую дочку ждет она домой...» и т. д. Любопытно почти механическое смешение всех эмоций в устоявшейся интонации: (76) «Избы застилает И туман и мгла, Г р у с т н о завывает Ветер вдоль села. Б о д р о воротились С поля мужики, Я р к о засветились В избах огоньки. По задворью льется Песня и т о с к о й Далеко несется, Плачет над рекой» (от Никитина (38)). Любопытна и попытка уйти от сюжета в чистый лиризм — (77) «Ох, сгори, кручина, Ты навеки сгинь...», кончающаяся хорошо знакомым образом: «Дай за все терпенье Хоть на склоне лет Мне у с п о к о е н ь е От гнетущих бед» (ср. еще у Минаева (51а), стр. 263).

Когда, наоборот, ведущей оказывается тема «природы», то перед нами остается лишь картинка пейзажа, чаще летнего, чем зимнего, в которой